

В.А. Бурнаков¹, А.А. Бурнаков²

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

²Хакасский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории
Абакан, Россия
E-mail: venariy@ngs.ru

Кӧл тайыг – жертвоприношение духу-хозяину озера у северных хакасов – кызыльцев (конец XIX – середина XX века)

Феномен жертвоприношений духам-хозяевам природных объектов и стихий, в частности водному духу – кӧл ээзи, актуален в плане изучения традиционного мировоззрения хакасов. В исследовании на примере этнической группы хакасов – кызыльцев, проживающей в северной части Хакасии, охарактеризован мифо-ритуальный комплекс, связанный с почитанием духа-хозяина озера – кӧл тайыг. Основной источниковой базой для исследования стали как опубликованные, так неопубликованные этнографические материалы. В научный оборот вводятся архивные этнографические сведения, касающиеся обозначенной темы, собранные в 1950–1970-х гг. Ю.А. Шibaевой и М.С. Усмановой, а также другими исследователями из Томского государственного университета. В мировоззрении хакасов, в т.ч. и кызыльцев, водная стихия и ее конкретное религиозно-мифологическое воплощение – водный хозяин – занимали одно из ключевых мест. Это было обусловлено самим природным ландшафтом той территории, на которой они проживают. На ней имеются разнообразные водные объекты – ручьи, реки, озера и пр. Воззрения о воде тесно связаны с повседневным бытом и хозяйственной деятельностью народа. В мировидении народа связь между человеком и природой выходит за рамки лишь рационального взаимодействия. Согласно традиционным воззрениям, люди были убеждены в мистическом влиянии водных источников на жизнь и благополучие. Одним из способов поддержания устойчивых гармоничных взаимоотношений между ними выступал обряд жертвоприношения. Оно проводилось на регулярной основе и имело коллективный характер со строго заданной структурой, включающей в себя руководителя и иных непосредственных участников, а также саму жертву, и совершалось при строгой последовательности ритуальных действий. Обрядность ограничивалась конкретными временными и пространственными параметрами.

Ключевые слова: традиционное мировоззрение хакасов, кызыльцы, обряд, жертвоприношение, вода, кӧл тайыг, шаман, образ, символ.

Venariy A. Burnakov¹, Artas A. Burnakov²

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

²Khakass Research Institute of Language, Literature and History,
Abakan, Russia
E-mail: venariy@ngs.ru

Kol Taiyg – Sacrifice to the Master Spirit of the Lake Among the Northern Kyzyl Khakas People (Late 19th – Mid 20th Century)

The article analyzes the phenomenon of sacrifice to master spirits of natural objects and elements, in particular to the water spirit – kol eezi, important for studying the traditional worldview of the Khakas people. Using the example of the Kyzyl ethnic group of the Khakas people, which lives in the northern part of Khakassia, the mythological and ritual complex associated with reverence for the master spirit of the lake – kol taiyg – is described. Both published and unpublished ethnographic materials were used as the main sources for the study, including the unpublished archival ethnographic evidence on the subject, collected in the 1950–1970s by Y.A. Shibaeva, M.S. Usmanova, and other scholars from Tomsk

State University. It has been established that water element and its specific religious and mythological embodiment – the water master – played one of the key roles in the worldview of the Khakas people, including the Kyzyl group. This was caused by the natural landscape of the territory where they live with abundant water bodies – streams, rivers, lakes, etc. The Khakas beliefs about water are closely related to everyday life and economic activities of the people. In the traditional worldview, relationship between humans and nature transcends merely rational interaction. People believe in mystical influence of water sources on their lives and well-being. Ritual sacrifice was one of the ways to maintain stable harmonious relationship; it was performed regularly and had a collective nature with strictly defined structure, including the leader, other direct participants, and sacrifice as well as sequence of ritual actions confined by specific temporal and spatial parameters.

Keywords: *traditional worldview of the Khakas people, Kyzyl Khakas people, ritual, sacrifice, water, kol taiyg, shaman, image, symbol.*

В традиционной культуре многих народов одними из наиболее значимых были обряды жертвоприношений всевозможным сверхъестественным силам – божествам, духам и пр. У хакасов наибольшее распространение получили жертвенные подношения духам-хозяевам природных стихий и объектов, а также всевозможным духам-покровителям и охранителям. Более того, соответствующая обрядность явилась краеугольной культовой практикой традиционного хакасского общества. Основу указанных сакральных действий составляли ментальные установки, направленные на формирование договорных, дарообменных форм взаимодействия между человеком и окружающим миром с его невидимыми обитателями. В мировоззрении существовала устойчивая вера, что в зависимости от того, как будут выстроены отношения с миром духов и божеств, будет полностью определена судьба не только одного человека и его семьи, но и всего родового коллектива и в целом – этнической общности, проживающей в данной местности. У хакасов среди обозначенных ритуалов одно из важных мест занимал *суз тайыг/тайиш* – жертвоприношение воде/духу-хозяину воды – *суз ээзи*. Следует заметить, что обозначенная акция не ограничивалась лишь одними обрядовыми действиями. Помимо этого, она обязательно включала в себя праздничный пир, песенные и спортивные состязания, игрища и т.д. Поэтому *суз тайыг* в полном смысле этого слова был праздником, связанным с почитанием водной стихии.

В историко-этнографической литературе сведения о *суз тайыг* у хакасов представлены лишь на материалах двух этнических групп – качинцев (*хаастар*) и кызыльцев (*хызыллар*). В данной статье мы рассмотрим такую разновидность обрядовой практики в отношении водных объектов, как *көл тайыг* – жертвоприношение духу-хозяину озера у северных хакасов – кызыльцев. Соответствующий выбор обусловлен тем, что проблема жертвоприношений духу-хозяину воды, в частности озерному духу, у обозначенной этнической группы, как и в целом у хакасов, в этнографии все

еще остается практически неизученной, сохранилось мало достоверных сведений по рассматриваемой теме. Среди них следует упомянуть отрывочные сообщения, встречаемые в полевых материалах Ю.А. Шибяевой [1951], и небольшую статью М.С. Усмановой [1976], подготовленную на материалах собственных полевых этнографических исследований. Обратим внимание на то, что значительная часть собранных материалов не была введена в научный оборот. Среди ученых, касавшихся указанной проблемы, необходимо отметить В.Я. Бутанаева. Ученый в своем труде «Бурханизм тюрков Саяно-Алтая» [2003, с. 187–189] обобщил и структурировал обширные сведения по традиционным верованиям и обрядности хакасов. В указанном исследовании имеется упоминание о специфичности проведения *суз тайыг* у северных хакасов. Кроме того, в процессе исследования автор выявил и опубликовал список почитаемых ими водных объектов. Вместе с тем, заметим, что непосредственно сама обрядность этого народа с конкретным выделением в ней особенных черт и локальных отличий все же не была рассмотрена.

Северная территория Минусинской котловины изобилует водными объектами – реками, ручьями и озерами. Многие из них были включены не только в хозяйственную, но и в сакральную сферу северных хакасов – кызыльцев. Пожалуй, самым известным из озер является *Тигир көл* – «Небесное/Божье озеро». Сведения о нем неоднократно встречаются в историко-этнографической литературе. В XVII в. близ этого озера находились кочевья енисейских кыргызов из Алтысарского княжества [История..., 1993, с. 136]. Первое научное сообщение об этом озере в XVIII в. оставил немецкий ученый Д.Г. Мессершмидт [2012, с. 94]. В первой половине XIX в. упоминание о нем встречается в материалах статского Советника И.С. Пестова [1833, с. 131–133]. Несколько позднее более подробные сведения об упомянутом озере предоставил окружной минусинский начальник Н.А. Костров. Он отметил факт почтительного отношения местных жителей к этому природному объекту:

«упомянутые озера вполне заслуживают названия Небесных или Божьих, и эти названия свидетельствуют о том глубоком уважении, которое питает к ним народ, в соседстве живущий» [1853, с. 4–5].

Есть основания утверждать, что сакрализация этого озера хакасами, переданная даже в самом его названии, не ограничивалась лишь этическими нормами. *Tigir köl*, наряду со многими другими, было включено в культовую практику народа. К сожалению, исследователями не были описаны сами обрядовые действия, проводимые автохтонным населением в отношении этого озера, точнее, его духа-хозяина. Вместе с тем этнографические материалы, имеющиеся в нашем распоряжении, позволяют реконструировать ритуальную практику этой группы хакасов в отношении духов озер. В общих чертах она была одинакова для всех указанных акватических объектов.

Köl тайыг – обряд жертвоприношения духу-хозяину озера у кызыльцев совершался регулярно, обычно раз в три года [Шибаетова, 1951, л. 45, 63; Усманова, 1976, с. 241]. Кызыльцы о сроках проведения этого праздника исследователям сообщали следующее: «раз [в] 3 года, накануне Троицы, когда уже вырастут травы и распустятся листья» [Шибаетова, 1951, л. 63]; «через неделю после Троицы», «когда кукушка прокукует», «когда листья появятся», «когда трава вырастет и у скота молока прибавится» [Усманова, 1976, с. 241]. Заметим, что пожилые хакасы в качестве основного маркера времени проведения обозначенного мероприятия часто называли христианский праздник «Троица». При этом его хронологический диапазон все же мог варьироваться в пределах одной-двух недель до этого знаменательного события и столько же после него (АМАЭС ТГУ. № 678-1. Л. 16; № 678-3. Л. 47; № 678-4. Л. 15, 22). Отправление ритуала, таким образом, происходило в мае–июне. В некоторых случаях обозначенное сакральное действие осуществлялось чаще положенного. Причиной тому были участвовавшие несчастные случаи на воде, болезни людей, всевозможные затруднения в хозяйственной деятельности, в т.ч. падеж скота и т.д.

Руководил обрядом шаман или человек, обладающий задатками гадателя-ясновидца, – *körigçi* [Усманова, 1976, с. 241]. Если таковых не оказывалось, приглашали хорошо знающего традицию и уважаемого в народе старика. Бывало, что его привозили из соседних селений. По воспоминаниям пожилых хакасов: «[Руководил] специальный человек – *körugji*. Если был шаман, то шаман таил [т.е. проводил ритуал], а потом их не стало. *Körugji* стали таить. Весь народ собирался. Везли стряпню и водку» (Ипишкина Александра Астафьевна, 81 год, с. Устинкино) (АМАЭС ТГУ. № 678-3. Л.

46); «Если *körugji* своего не было, то привозили из другой деревни. Ему давали одежду. Его звали после таига в каждый дом. Потом его отвозили в его родной улус. Когда ему что-нибудь дарили, то вешали вещь на плечо. Бывало, что сначала дарящий вытирал лицо *körugji* этой вещью. Просил благополучия, а потом *körugji* забирал эту вещь» (Итенева Прасковья Федоровна, с. Устинкино) (Там же. Л. 47–48).

Сам обряд обычно проводили на берегу озера в том месте, где росла лиственница (*тыт*) или береза (*най хазың*). Все участники *köl тайыг* подвешивали на ветви ритуальные ленты *шаллама* (*чалама* – хак. лит.) белого, синего и красного цветов. Причем их требовалось подвесить именно в таком количестве, сколько человек было в семье. На эти же деревья на период отправления обряда, а иногда и на более длительный срок подвешивали шкуры жертвенных баранов. В некоторых селениях в дополнение к имеющимся срубали еще три молодые березки. Их всаживали в землю, а верхушки соединяли. Получалось подобие шалаша. На это сооружение также подвешивали *шаллама* и бараньи шкуры (Там же. Л. 47–47; № 678-4. Л. 22). В отдельных селениях *köl тайыг* проводился не на самом берегу озера, а на некотором расстоянии от него среди древних могильников – курганов. Со слов Марии Николаевны Янгуловой (1903 г.р., д. Ошколь): «Делали таиг не на озере, а на пути к озеру. За мыском есть курганы. Среди курганов и делали таиг. Женщинам туда нельзя было ходить, только мужикам, молодым ребятам, девкам и старухам. А мы, молодые бабы, издали смотрели. Нам ведь интересно было» (АМАЭС ТГУ. № 678-2. Л. 24).

Участники обряда с собой привозили воду, молоко, араку и мучные изделия. Всю араку сливали в общий котел. В качестве жертвенного животного, как правило, выступал баран. Причем не всегда ограничивались лишь одним. На заклинание нередко приводили до трех баранов и даже больше. Помимо того в каждом селении имелись собственные предпочтения в масти. Все же наиболее распространенными из них были белые и черные. По традиции каждая семья по очереди поставляла жертвенного барана. В ситуации, когда очередь доходила до бедняка, не имевшего скот, то его приобретали всей сельской общиной. По сведениям информатора Ю.А. Шибаетовой, хакасы жившие в районе Черного озера проводили праздник с разными годами с разным размахом: «Каждые 3 года праздновали сугтайх у озера, около самой воды. Резали на праздник двух черных баранов и через каждые 9 лет – черно-бурого бычка двухлетка» [Шибаетова, 1951, л. 45]. Позднее, как свидетельствуют материалы М.С. Усмановой, не без влияния антирелигиозной политики

советского государства, жертвенные дары становятся беднее. Так, сообщается, что только в определенных случаях в жертву приносился трехгодовалый крупный рогатый скот (АМАЭС ТГУ. № 678-3. Л. 43, 47).

На жертвеннике разводили ритуальный костер. Мужчины – непосредственные участники сакрального действия, схватив барана за рога, трижды обходили с ним вокруг огня. Во главе шел шаман или *körigçi*. Он обращался к духу-хозяину озера и остальным местным духам, в том числе и горным. После чего животное умерщвляли. Тушу разделяли. Мясо и осердие (*ökne-çüręgi*) клали в большой котел с несоленой водой и варили. Кровь же собирали в отдельную посуду. Из нее шаман совершал ритуальное окропление по сторонам света. Тем самым он жертвовал кровь всем почитаемым божествам и духам. Хакасские старики по этому поводу сообщали: «Берет кровь барана, начинает шухтить [брызгать] туда-сюда. Говорит, что праздник мы вам делаем. Таг эзи, куль эзи – обращается к хозяину горы и озера. Люди сидят и слушают» (АМАЭС ТГУ. № 678-1. Л. 16); «На озере, где Красный Яр, делали таиг. Взяли белую овечку. Как горло зарежут, кровь разбрызгивают. Таиптур – кланяются» [Там же, л. 46]; «Кровь жертвовали. Кланялись каждой горе, каждой речке» (АМАЭС ТГУ. № 678-3. Л. 43).

В дальнейшем часть приготовленного мяса и осердие выкладывали в *типси* – деревянное корытце. Руководитель обряда брал его в руки и поднимал высоко вверх. Произносил *алгыс* – молитву, обращаясь к духу озера и остальным природным гениям, и трижды им кланялся. Данный элемент обряда назывался «*оор / нус тутханы*» – ‘букв. держание пара [от горячего мяса]’. Затем он вместе с помощниками совершал троекратный обход вокруг жертвенника. Попутно в их честь совершалось окропление бульоном, водой, молоком и аракой. Свидетели обряда сообщали: «Таиг делали весной (конец мая – июнь). На березы вешали шалама. Көрүгжи кланялся во все стороны. Называл все горы, ручьи и все места, чтобы хозяева дали благополучия для всех» (Там же. Л. 47); «Старик держал мясо в деревянном корытце. Обходил вокруг огня три раза, паром шёлти. Кланялся на все стороны. Всех поминал. Ко всем обращался, благополучия просил. Водкой обязательно шухтили. Была круглая деревянная чашечка. Он из нее водку плескал. Все тот же старичок. Все доверено ему. Шухтили молоком и водой» (АМАЭС ТГУ. № 678-4. Л. 15); «Темного вина, воды, вареного мяса бульон, брызгали [говоря] “агаларым [отцам], энэлерым [матерям]”» (Там же, л. 28); «Осердие клали в корытце деревянное. Көрүгжи брал его в руки и кланялся

озеру. Потом всех людей три раза обходил и опять кланялся» (АМАЭС ТГУ. № 678-3. Л. 46); «Обращались к озеру, к земле, чтобы скот водился, чтобы в озере рыба водилась, чтобы никто не тонул» (Там же, л. 47).

Затем все жертвенное подношение бросалось прямо в озеро. Причем помимо руководителя обряда и его помощников каждый из участников *köl тайыг* должен был сделать это еще индивидуально (АМАЭС ТГУ. № 818-2. Л. 22). По завершении ритуальной части приступали к пиршеству, в ходе которого устраивались музыкальные и спортивные состязания, в том числе борьба и скачки на лошадях (АМАЭС ТГУ. № 678-2. Л. 25). К концу мероприятия все оставшееся мясо и кости складывали в баранью шкуру и кидали в озеро. Следует добавить, что в некоторых селениях с частью жертвенной пищи и ее остатками поступали иначе. Все собиралось в одном месте и по завершению обряда на трое суток оставалось нетронутым. По истечении установленного срока специально назначенный человек приходил на жертвенник и, обращаясь к местным духам со словами благопожеланий, сжигал все эти подношения (АМАЭС ТГУ. № 678-3. Л. 47).

Люди верили, что дух-хозяин озера – *köl ээзи* в процессе жертвоприношения мог показываться из воды и нередко в антропоморфном облике. Однако увидеть его могли лишь шаманы или *körigçi*. В материалах М.С. Усмановой встречается описание одной из таких историй: «Көрүгжи говорил, что хозяйкой озера является девка. Когда народ делал таиг, она открывала свою дверь и наклоняла голову. Это означало, что она приняла дары людей. Она одета во все шелковое, белое. Волосы длинные, до пят. Хозяйка больше никогда не появлялась, кроме дня таига» (Там же).

В *köl тайыг* обычно участвовали жители одного населенного пункта. По сведениям информанта Ю.А. Шибаяевой: «В улусе Осколь до установления советской власти праздновали всем улусом (без различия сеоков [родов] – такого разделения он не слышал и от стариков) праздник и на горе около улуса С. Чо[Ғ]ар хучул – около родника около березы всегда в одном месте, и у Оскель озера) – тоже около берёзы» [Шибаяева, 1951, л. 63]. Следует отметить и то, что порой участниками обряда могли быть не только коренные жители – хакасы, но и русские. В связи с чем вызывает интерес история, записанная со слов Марии Семеновны Аргуаевой (1882 г.р., д. Секта): «Один русский старик жил в деревне со своей семьей. Он часто посмеивался над хакасами. Особенно над тем, что они делали таиг. Однажды его лодка перевернулась на озере, как раз в то время когда проводился таиг. Он стал

кричать. Его едва вытащили из воды. После этого случая он стал верить. Вместе с хакасами таиг делать стал. Саламат варил (потха), водку носить стал» (АМАЭС ТГУ. № 678-4. Л. 22).

Таким образом, изложенный материал позволяет сделать вывод о том, что в культуре северных хакасов – кызыльцев одно из ключевых мест отводилось обрядности, связанной с водой. Во многом это было обусловлено самим природным ландшафтом этой территории Хакасии. На ней повсеместно и широко представлены разнообразие водные объекты – реки, озера и пр. В отношении многих из них был сформирован особый мифо-ритуальный комплекс. В его основе лежала идея абсолютной сакрализации водной стихии. При этом в религиозно-мифологическом сознании народа она персонифицируется как отдельное божество – дух-хозяин реки / озера – *суг / көл ээзи*. Местные жители всегда стремились установить конструктивные взаимоотношения с обозначенной сверхъестественной силой, от которой, по их убеждению, зависело благополучие их жизни, в том числе хозяйственной деятельности. Согласно традиционным взглядам, одним из самых действенных мер, направленных на установление гармоничных отношений между человеком и водным хозяином, выступал обряд жертвоприношения, в том числе такой, как *көл тайыг*. Ритуал имел устоявшуюся традиционную структуру, характерную и для других почитаемых природных объектов – горы, реки неба и пр. Главным лицом в нем выступал шаман или «знающий» человек – *көрігчи*, а нередко – хорошо знающий традицию старик. В качестве жертвы чаще выступали бараны, а в определенный период – крупный рогатый скот. Праздник проходил в специальных местах – вблизи почитаемых водных объектов и в отведенный срок. Особое значение при жертвоприношении придавалось дереву (лиственнице или березе), на которое подвязывались ритуальные ленты *шалама*. Оно, наряду с огнем, выступало в качестве центра моления и символизировало собой мировое древо, соединяющее различные сферы мироздания. Обязателен был трехкратный обход вокруг жертвенника. Типичным для соответствующей обрядности было проведение его в форме праздника с пиршеством, фольклорными и спортивными состязаниями. Вместе с тем, в ритуале *көл тайыг*, проводимом кызыльцами, имеются и некоторые особенные черты. Прежде всего, это касается периодичности проведения – раз в три года, не считая исключительных случаев. По материалам В.Я. Бутанаева, водные жертвоприношения у других групп хакасов проводились ежегодно [2003, с. 187–189]. Необычен и ритуальный тип сооружения – аналог шалаша из берез, а также жертвова-

ние крови закланного животного местным духам путем ее разбрызгивания. Своеобразным является и обычай, встречавшийся в некоторых селениях, выражавшийся в оставлении жертвенного подношения на трое суток и последующее его сжигание. В материалах исследователей остался незафиксированным и факт посвящения *ызыл'а* – священного животного (коня, коровы, барана) духу озера. Отметим и то, что праздник у них носил не родовой, как у остальных групп хакасов, а территориально-общинный характер.

Список литературы

- Бутанаев В.Я.** Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. – Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2003. – 260 с.
- История Хакасии с древнейших времен до 1917 г.** – М.: Наука; Вост. лит., 1993. – 525 с.
- Костров Н.А.** Кизильские татары. – Казань: [Тип. Губ-го правл-я], 1853. – 38 с.
- Мессершмидт Д.Г.** Дневники. Томск–Абакан–Красноярск. 1721–1722. – Абакан: Кооператив «Журналист», 2012. – 160 с.
- Пестов И.С.** Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири 1831 г. – М.: Тип. ун-та, 1833. – 297 с.
- Усманова М.С.** Жертвоприношение земле и воде у северных хакасов // Из истории Сибири. – Томск, 1976. – Вып. 19. – С. 240–243.
- Шибалева Ю.А.** Отчет об этнографическом обследовании кызыльцев Ширинского и Саралинского районов в июле 1951 года // Рукописный фонд ХАКНИИЯЛИ. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 353. 200 л.

References

- Butanaev V.Ya.** Burkhanizm tyurkov Sayano-Altaya. Abakan: Khakass State Univ. Press, 2003, 260 p. (in Russ.).
- Istoriya Khakasii s drevneishikh vremen do 1917 g.** Moscow: Nauka; vostochnaya literatura, 1993, 525 p. (in Russ.).
- Kostrov N.A.** Kizil'skie tatory. Kazan, [Tipografiya gubernskogo pravleniya], 1853, 38 p. (in Russ.).
- Messersmidt D.G.** Dnevniky. Tomsk–Abakan–Krasnoyarsk. 1721–1722. Abakan: Kooperativ “Zhurnalist”, 2012, 160 p. (in Russ.).
- Pestov I.S.** Zapiski ob Eniseiskoi gubernii Vostochnoi Sibiri 1831 goda. Moscow: Univ. Press, 1833, 335 p. (in Russ.).
- Shibaeva Yu.A.** Otchet ob obsledovanii kyzyl'tsev Shirinskogo i Saralinskogo raionov v iyule 1951 g. Rukopisnyi fond Khakasskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, litaratury i istorii. Fond I-3. Opis' 1. Delo 353. 200 p.
- Usmanova M.S.** Zhertvoprinoshenie zemle i vode u severnykh khakasov. Iz istorii Sibiri. Tomsk, 1976, iss. 19, pp. 240–243 (in Russ.).